

От редакции. Интервью с Н.В. Романовским открывает новую рубрику журнала. СоцИс и ранее публиковал интервью с социологами, учеными, экспертами, в основном их готовили к юбилейным датам. Однако подобный жанр давно заслужил право на отдельную рубрику. Он позволяет выразить идеи и мысли, которые не нашли отражения в статьях и монографиях, а может, и не найдут там место. Интервью по-особенному раскрывает собеседника, дополняет образ ученого, показывает, чем он живет, как мыслит, что разрабатывает в настоящее время. Это и своеобразная трибуна ученого-гражданина, когда предоставляется возможность обратить внимание на острые вопросы, требующие решения. В период кардинальных социальных перемен и переустройства мира голос социолога не должен теряться; важно обсуждать социальные перемены, акцентировать внимание на настоящем, не забывая об истоках и первопричинах, устремляться в будущее. Проблема связи настоящего с прошлым и будущим находится в центре внимания сегодняшнего собеседника Н.В. Романовского.

© 2023 г.

СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ (интервью с Н.В. Романовским)

Аннотация. Беседа с Николаем Валентиновичем Романовским¹, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», главным научным сотрудником Института социологии ФНИСЦ РАН, профессором РГГУ, состоялась в день его 85-летнего юбилея. Обсуждались разные вопросы – от развития отечественной социологии и проблем ее идентичности до оттока кадров из науки. Его научный интерес к теоретической и исторической социологии позволяет оценить состояние дисциплины, выявить основные проблемы и обозначить реперные точки, наметить перспективы, формируя свой авторский взгляд на развитие социологии.

Ключевые слова: российская социология • историческая социология • теоретическая социология • идентичность • журнал «Социологические исследования» • социология как наука • ученый-социолог

DOI: 10.31857/S013216250025807-0

Романовский Николай Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования». Москва, Россия (socis@isras.ru).

¹ Николай Валентинович Романовский получил образование переводчика, работал в ИНИОН по тематике истории СССР и КПСС, много трудился в архивах, отслеживал потоки мирового научного знания. Его докторская диссертация «Критика фальсификации роли ленинской партии в трех революциях в России» основана на анализе, как тогда говорили, буржуазной литературы и стала продолжением работы по историографии революций 1917 г. В ней он пытался выявить параметры феномена интереса к этому явлению, обнаружив немалую роль социологов, изучающих эту проблематику. Уже в 1990 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС, выбирая направление своей деятельности между политологией и социологией, остановился на последней, так как, на его взгляд, социология в большей степени отвечает общему для науки критерию точности измерения. В 1997 г. Николай Валентинович, тогда ученый секретарь Российской академии госслужбы при Президенте РФ, по приглашению гл. редактора Ж.Т. Тощенко перешел в журнал «Социологические исследования».

С.Ю. Демиденко. Николай Валентинович, прошло пять лет с момента нашего с Вами последнего интервью². Тогда мы говорили о Вашем жизненном пути, о том, как Вы пришли в науку, о проблемах, с которыми сталкивались в журнале и в процессе преподавания социологии. Сегодня хотелось бы остановиться на ключевых вопросах развития социологии. Вы уже четверть века служите в журнале «Социологические исследования», через Вас проходит множество текстов – тех, что принимаются в работу, и тех, что отклоняются. Вы отслеживаете состояние российской социологии, преподаете, активно переводите. Как Вы можете охарактеризовать путь отечественной социологии за эти годы?

Н.В. Романовский. Конечно, сейчас совсем другая обстановка, нежели пять лет назад. Скоро 50 лет СоцИсу, что заставляет ретроспективно смотреть на роль социологического журнала в развитии социологии и даже шире – роль ведущего, флагманского национального журнала в развитии науки в стране. Время моих наблюдений за социологией исчисляется с 1991 г., когда я вошел в команду социологов под руководством Ж.Т. Тощенко еще в Академии общественных наук при ЦК КПСС, а затем, с 1997 – в редакцию журнала. Практически сразу же пришлось погрузиться в подготовку 25-летнего юбилея «Социологических исследований» (1999 г.).

Мне кажется, можно наметить три этапа развития нашей социологии, и последний только что начался, хотя он, конечно, связан с предыдущими. То, что связано со специальной военной операцией, резко меняет ситуацию, есть серьезные и болезненные нюансы. Но это отдельный этап, и о нем говорить пока рано, социального материала еще не накопилось. А предыдущую постсоветскую историю нашей науки можно делить на два этапа, хотя четко наметить грань между ними непросто. Один занял примерно 15–20 лет после 1991 г. – этап, когда социологи некритически следовали за социологией, которая нам была подана (я и не помню особо больших возражений по поводу «образца для подражания»). Где-то с 2007–2008 до 2012 г. стали все отчетливее проступать признаки другого этапа. Не то чтобы наша социология освободилась от влияний, – от взаимного влияния вообще невозможно освободиться, мы и сейчас смотрим на развитие мировой социологии, пытаемся найти в нем аспекты, помогающие определить свое место в социологии. Обозначился новый этап поиска российской социологией своего места, своего лица, своей идентичности. Конечно, на это накладывался комплекс обстоятельств. Прежде всего то, что, на мой взгляд, до сих пор не проявило всего потенциала, а только набирает силу и у нас, и в социологии Западной Европы и США, Канады, быть может, в меньшей мере Австралии, в том, что до недавних времен именовалось мейнстримом социологии, – это поиск своей идентичности. Не утверждаю, что эта идентичность найдена, это и невозможно: слишком велика эта социологическая задача, научная задача. Появилась она не сейчас: Россия идентичность ищет не первое столетие.

С.Д. Как Вы думаете, на что может опираться российская социология в поиске своей идентичности?

Н.Р. Я некий дуализм отмечу, понимая, что дуализм – это признак не ограниченности, а недостаточности аналитического осмысления этого процесса (и степени его развитости). В чем заключаются этот дуализм и этот процесс? Во-первых, вспомним поиски Россией идентичности, которые велись ранее, в глубинах российской мысли. Вспоминается, например, дискурс последствий реформ Петра Великого, XIX век – западники и славянофилы, Н.Я. Данилевский и другие. Это одно.

Есть наш собственный, современный опыт, путь, которым сейчас социологи страны идут. Я бы тут отметил Николая Ивановича Лапина. У меня в столе лежит его «Атлас модернизации России и ее регионов» (ред., 2016). Казалось бы, модернизация – это не цивилизация, но Лапин, закончив рассмотрение проблем регионов России, естественно, обратился

² Демиденко С.Ю., Романовский Н.В. «Я стараюсь постичь истину...» // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 115–126.

к её цивилизации³. Помнится, я только пришел в журнал, и к нам поступил немецкий текст о том, что европейцам не грех помнить о варианте «глобализации с европейским лицом». Но влияние, я понимаю, из-за океана не дало педалировать этот путь, и Европа, обновлённая за счет кусков социалистической системы, пошла за Америкой. Это одна часть характеристики. Вторую часть я назвал – модернизация. Её, как сейчас мне ясно, нам подсунили, и мы эту гниющую рыбу проглотили. Модернизацию по Парсонсу у нас продвигал, в частности, Дж. Сорос. Я получил по почте книгу Парсонса «Система современных обществ» и подумал: а зачем мне два её экземпляра, подарил один студенту. Книга вышла под эгидой Дж. Сороса, и в ней говорится примерно следующее: вот он, идеал тогдашнего общества модерна – с 1950-х по 1968 г. – стандарт американского общества: открытое общество, свободный рынок, власть закона и т.д. Для 1998 г. это был эффективный ход. Всеобщее увлечение Западом началось до 1991 г. Россияне на своем опыте убеждались, что нас водят за нос. Хотя, конечно, мы в 1990-е гг., в частности, по переводам многому научились, в том числе и осознанию того, что происходит в западной социологии.

Масштабы понимания действительных перипетий состояния западной социологии ограничивались в советское время узким кругом подготовленных людей, включая группу социологов Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Они отслеживали поток западных публикаций. Нам же, сторонним от социологии людям, тогда казалось, что не хватает властям нашей страны точного знания реальных фактов, окружающей нас жизни, а социология – та наука, которая истину доведет до тех, кто принимает решения, и все станет на свои места. Но в 1990-е годы этот процесс пошел по другому пути. А понимание того, что реально происходит в зарубежной социологии, приходило медленно и даже сейчас не завершено.

С.Д. Вопрос по теоретической социологии: какие перспективные темы Вы видите?

Н.Р. Перспективной я вижу тему возможности рывка вперед, значительного существенного шага вперед отечественной социологии. Мы когда-то в лице поколения Питирима Сорокина, а его современниками были Жорж (Георгий) Гурвич, В.П. Вышеславцев, Н.С. Тимашев и другие, совершили подобный рывок. Это все часть великого движения научной мысли у нас и в мире, которое дало нам и Л.Н. Толстого, и деятелей революционного движения и социального знания. Думаю, идеалы этих мыслителей, их цели надо ставить перед собой, решая конкретные задачи развития науки.

С.Д. Как Вы можете охарактеризовать состояние, в котором находится сейчас российская социология?

Н.Р. Состояние это, как мне видится через призму идеально-типического подхода, такое, когда все зависит от нас. От того, какую энергию наши социологи могут реализовать в плане развития социологии, её теории. Сейчас на старте нового этапа развития социального мира и социального знания шансы нашей социологии и социологий других стран выровнялись. Например, думаю, если, условно говоря, арабский, мусульманский мир, в том числе благодаря нефтяным доходам и в целом ресурсам, сумеет совершить в течение 50–70 лет или в пределах иных дат цивилизационный рывок, они выйдут в лидеры мировой социологии. Как, возможно, и другие регионы мира. Мониторя мировую социологию, я заглядываю в социологические журналы Новой Зеландии, Австралии, и не в первый раз. У них взгляды «левые», но своеобразные, не зря в Австралии прозвучали идеи «Южной социологии». В Новой Зеландии я увидел аборигенную социологию, и не исключаю, что этот вариант деколониальной, постколониальной социологии, доведенный

³ См. рецензию на эту книгу Н.И. Лапина «Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход» (2021) Г.Ю. Канарша (Социологические исследования. 2022. № 8. С. 167–171. DOI: 10.31857/S013216250020844-1); а также статью о нем: *Беляева Л.А.* Николай Иванович Лапин: исследователь и организатор науки // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250022847-4. – Прим. С.Д.

до логического конца, позволит бывшим угнетенным колонизаторами народам начать задавать тон в огромных регионах, в десятках стран.

С.Д. Следя за публикациями по теории, методологии социологии как на Западе, так и на Востоке, Юге, Севере, видите ли Вы новые повороты?

Н.Р. Хотел бы сказать, что «поворот на Восток» – неточное выражение. Он такой же поворот и на Юг, и на Запад, для кого-то – на Север, для кого-то – на Юго-Запад и т.д., потому что касается и Востока, и стран Латинской Америки, и Китая, а Китай по отношению к Японии – это Запад. Поэтому поворот – да, но к чему? К поиску, для каждой страны. Социология будет развиваться, но – в тесной связи с властью, политикой, в конкретных рамках и контекстах. Это касается Китая, и мусульманских стран, и Индии, и России, и всех стран, опирающихся в своем развитии на научное знание. Социологи мира не уходят от рассмотрения вопросов, например, власти и социологии. Понятно, власть может манипулировать социологией и даже заткнуть ей рот, как было у нас в свое время. Судя по новозеландской социологии, там маори, коренные новозеландцы, рисуют картины социального мира, в котором доминируют их исконные ценности, к тому же общие с целой группой народов Океании. И эта социология ищет свою идентичность. То же видим в китайской социологии. Недавно в Институте социологии ФНИСЦ РАН было научное мероприятие. В ряде выступлений наших ораторов упомянуты были конфуцианские корни современной китайской социологии. Аспирантка из КНР, уточняя такой подход, отметила: конфуцианские влияния в современной китайской социологии присутствуют, но не доминируют.

Возвращаясь к ситуации с российской социологией в условиях грядущих перемен, отмечу: положение на старте участников этой гонки равно для всех. Все решится тем, кто сумеет предъявить *urbis et orbis*, городу и миру, модель социологии, рожденную в данной конкретной национальной (цивилизационной, культурной) составляющей мировой социологии. Возможно, плюрализм этих составляющих и будет – на время – характерной чертой нового этапа, вслед за которым, наверное, последует этап поиска общности – общечеловеческой общности различных культурных, цивилизационных, исторических социальных основ мирового сообщества.

С.Д. Вы упомянули гонку. Неужели в терминах гонки можно рассуждать о развитии этих национальных социологий?

Н.Р. Скажу точнее. Я значительную часть своей жизни занимался спортом, о спорте не забывал, и занимаясь наукой. Поэтому скажу – да, это гонка, состязание, соревнование. Обстановка в мировой социологии такова, что на старте все равны. Настоящая гонка в социологии XXI века начинается. Пока её участники только выстраиваются на старте. Как в велосипедном спорте – из пелотона, группы лидеров гонки, могут вырваться случайные люди, как кому удастся. Будет соперничество, соревнование, так же как и сейчас разные идеи продвигаются. Я упоминал идею глобализации с европейским лицом; это же камушек в огороде США. Было соперничество европейской и американской социологий, парсоновскую социологию навязывали Европе, хотя там были свои лидеры в сфере теории.

С.Д. А социология Парсонса у нас жива?

Н.Р. Жива в учебниках, программах. Программами руководствуюсь с оглядкой, их нужно каждый год, а то и семестр, перед прочтением курса подвергать ревизии, в том числе в отношении Парсонса. Он, Мертон, Лазарсфельд – конечно, история. Но не та, что в издании Сороса. В нашем журнале не так давно опубликована статья⁴ по поводу того, что мы в 1980–1990-е гг. моделью социологии сделали ее образец, ориентированный на поддержание определенного социального порядка. Этот образец в 1968 г. получил смертельный удар, поскольку, в частности, не учитывал концепции изменения социального порядка, в своей основе опирающиеся на учение К. Маркса.

⁴ См.: Щербина В.В. Изменение характеристик социологии как науки (причины, итоги, перспективы) // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 29–39. DOI: 10.31857/S013216250007460-9.

Хорошо известно, что в социологии после 1960-х годов началась полоса поворотов. Недавно нашел у одного автора данные о том, что всего произошло 47 поворотов. Что означает такое число поворотов? Это совершенно очевидное признание того, что модель социологии, которая доминировала до начала полосы поворотов, неудовлетворительна по 47 ключевым параметрам – время, пространство, культура и т.д. Как можно превращать в идеал для исследования теорию, которая лишена временного начала, пространственного, человеческого, онтологического и т.д. Что такое феноменологическая социология? Это обращение к жизненному миру человека. Все же Парсонс с Мертоном упустили человека, о чем говорят «упреки» их в «методологическом антигуманизме». Мертон был осторожен в своих теориях среднего уровня, настаивая на том, что социологи обязаны подтверждать свои теории эмпирическими данными. Иными словами, Мертон сказал: теория Парсонса никуда не годится, она эмпирикой не подтверждена.

С.Д. 47 поворотов – это какое-то шатание получается...

Н.Р. В том-то и дело. И одними поворотами дело не ограничилось. Началась полоса посттеоретизирования. А что такое *лост*? Это коренная проблема, связанная с грядущим, в частности, с поворотом к народам бывших колоний, к специфике, многоцветию постижения социального мира, если всерьез считать возможность социологии стать глобальной.

С.Д. Николай Валентинович, понятно, у национальных социологий свои задачи. Можете ли Вы отметить, что становится важным для российской социологии сегодня? На какие вопросы она прежде всего должна обращать внимание?

Н.Р. Могу попытаться ответить на этот вопрос. Но с важной оговоркой – будучи ограниченным своим опытом работы в журнале, чтением поступающих к нам статей и публикаций в других журналах, книг и рецензий на них. Мне кажется, что в российской социологии ищут справедливость, идет латентный поиск справедливости, которая предстает как краеугольный камень (один из таких камней) российской идентичности.

С.Д. Тема справедливости давно поднимается у нас в исследованиях.

Н.Р. Да, и у нас были в журнале публикации на эту тему. Пришлось как-то выступать оппонентом по диссертации о П.И. Новгородцеве, одном из современников и последователей Питирима Сорокина. Он выделял эту черту как одну из ведущих у российского народа. И это только один пример. Я мог бы привести еще один. Сталин на торжественном приеме 24 июня 1945 г. в честь участников Парада Победы воздал – в форме тоста – хвалу русскому народу. Прозвучало это своеобразно, что оттеняет рассказ одного офицера о казусе при зачитывании слов Сталина на этом приеме. Тост зачитывался как приказ Верховного главнокомандующего. После зачитывания приказа прозвучало: «Ура русскому народу!» Прокричали. Командир говорит: «Товарищи солдаты, у кого есть вопросы?» Кто-то решился спросить: «Товарищ командир! А как быть с другими народами, кроме русского?» Командир не растерялся: «Ура всем народам СССР!» Бытовой, автоматический интернационализм офицера в 1945 г. сейчас у нас вроде и есть, а вроде и нету. Но с иным подходом к ситуации в многонациональной стране – особенно учитывая факторы демографии – трудно смириться.

Конечно, вопрос трудный, тут нельзя не согласиться с нашим президентом, он неоднократно его поднимает в своих выступлениях. Поиски ответов на возникающие в этой связи вопросы нужно продолжать, нужно искать, пытаться не утратить важное, ведущее. Запад в своей стратегии развала СССР сделал акцент на сфере межнациональных отношений. Так же дело обстоит, уверен, и сейчас, если размышлять о том, что против нас затевают. Да, собственно, происходящее сейчас на юго-западе нашей страны – иллюстрация к этому.

Должен сказать, что для меня работа в науке была огромной школой. Посчастливилось иметь дело – и встречаться, и читать, и вникать, и разговаривать – с очень серьезными крупными, важными для судеб страны учеными. Когда Леокадии Михайловне Дробжевой вручали орден, она выступила очень сильно, я был горд за неё и за социологию. Что она говорила? То, что всегда подчеркивала в своих трудах: к этой сфере нужен очень

осторожный подход. И сейчас, когда население России черпает в основном информацию с компьютерных экранов, я вижу, что этой осторожности порою не хватает.

С.Д. Причем в среде обществоведов тоже.

Н.Р. Обществоведы – часть народа, от этого некуда не денешься. Мы фактически говорим об отношениях между народами. Волнует еще один вопрос. Лет пять работая с документами в Центральном партийном архиве, – он сейчас по-другому называется, – я сосредоточился на анализе действий институтов власти страны в последние годы жизни Сталина – как связующем звене прошедшего с настоящим. То, что пришлось выявить в архивных документах за эти годы – с 1988 по 1993/1994 гг. – а я копал все, сформировало определенное представление и о Сталине, и о его окружении, и о ситуации, выпавшей на их долю. И это отнюдь не та картина, что я сейчас читаю и вижу на экранах. Каналы СМИ просто преклоняются перед ним. Вот книга «Сталин – теоретик». Если касаться только национального вопроса, то, оценивая вклад Сталина в решение и разрешение национального вопроса по шкале «мясника» – рубить топором на «хорошо» и «плохо», я бы этот вклад в теорию в графу «хорошо» не поместил. Это касается и победы в Великой Отечественной войне, в частности, понесенных народами страны потерь, особенно в первые годы войны. Нынешняя демографическая ситуация в стране с её перспективами, с проблемой мигрантов и т.п. – в частности, это «эффекты», как сейчас говорят, той и смежной с нею поры. Вдумываясь в оценки, пересматривая причины таких «избыточных» людских потерь 1941–1945 гг., наверное, и оценки Сталина следует сделать иными.

С.Д. Здесь важна и оценка Петра Первого. Он возвеличивается сейчас, но сколько потерь было при нем!

Н.Р. Совершенно верно. Не все осознают, что наши представления о Петре в определенной мере, я ее считаю главенствующей, сформированы временем Сталина, конкретнее – версией деяний Петра, представленной в книге А. Толстого и фильме кануна Великой Отечественной войны по этой книге. Если внимательно изучать литературу о Петре Великом, там был иной итог его царствованию: он умер, и весь народ в ужасе замер, что будет дальше? Лет десять вся Россия тогда приходила в себя от ужасов, которыми запечатлелось в памяти народа кажущееся сейчас великим петровское 20–30-летие. Приходила в себя страна долго. И только после этого стали появляться хвалебные в адрес Петра произведения: и плотником царь был, и как простой мужик мог себя вести, и арапа приютил, и учиться заставил, и пр. А на самом деле обобрали народ до предела, страна понесла огромные потери. Ко всему нужен взвешенный подход, а не так, как сейчас – из крайности в крайность. Откуда это идет? Кто стоит за прославлением такого рода? В том числе и интеллигенция, профессура.

С.Д. Здесь мы затрагиваем вопросы исторической памяти. Они сегодня, как мне кажется, как никогда актуальны. Мы видим, как может переписываться история в угоду политическим интересам.

Н.Р. Парсонс и Мертон – тоже своего рода переписывание истории (как тут не вспомнить формулу Конта: социология – это история без имен и дат). Они обрезали всю традицию и американской, и европейской социологии, которая пыталась связывать воедино конфуцианство, японские и буддийские подходы в Индии, социальные взгляды Мухаммеда ибн Хальдуна, Н. Макиавелли. Не только мы, но и Европа считала Макиавелли образцом цинизма и т.д. А он всего лишь реалист в своих констатациях цинизма, пронизывавшего политику и тогда, и не только тогда. И если бы меня просили охарактеризовать свою платформу, то я бы вспомнил о реализме. Надо реалистично смотреть на то, что происходит. Непредвзято, максимально непредвзято.

С.Д. Мы, как ученые, видим, как высвечиваются порою одни исторические факты, как они интерпретируются и реинтерпретируются элитами, как работает пропаганда, как формируется повестка дня. Встает вопрос усиления воспитания, формирования патриотизма, национальной идентичности, в том числе введение в школах

«уроков о важном». Можете Вы прокомментировать с позиции исторической социологии эти вопросы? На что обращать внимание, что важно для изучения?

Н.Р. Ответ мой покажется далеким от смысла Вашего вопроса, но по-иному на такой фундаментальный вопрос я пока ответить не в состоянии. Когда я начинал работать в социологии, Владимир Култыгин, один из редких специалистов, который понимал мировую социологию, пригласил меня выступить у него в секторе ИСПИ РАН по проблемам темпорального среза истории социума, который мы изучаем. И из зала задали вопрос, а как быть с пространством? Я сказал, что, формулируя определение, что такое историческая социология, я время ставлю рядом с пространством. Понимаете, время нельзя отнимать от пространства. Я, например, в шутку (и всерьез) спрашиваю своих студентов: «Что будет, если помножить время на пространство, или их перемешать». Услышав ответы, предлагаю свою точку зрения: «Нет, если перемешать время с пространством – получим культуру в осадке». Это не только мои мысли. Д.Н. Замятин об этом много писал, в том числе в нашем журнале⁵; он подсказал мне это направление размышлений. Понимаете, освоение человеком нового пространства резко меняет его культуру, культурный горизонт; то же происходит на уровне группы, этноса и т.п. Когда мы думаем о российской идентичности, российской цивилизации, грубо говоря, – это время, это пространство и это люди, которые в конкретном, особом пространстве/времени живут.

В контексте сказанного залезу на диссертационную, ВАКовскую делянку. С большим уважением и большим состраданием отношусь к трудам на этом поприще Юлии Альбертовны Зубок. Я работал в экспертной комиссии ВАК, знаю, что между дисциплинами во всей нашей большой науке на диссертационном поле непростые отношения: скажем, физик или математик могут сказать: «Что это за наука социология, чем они занимаются, одни опросы проводят, с анкетами бегают». Ко мне как-то подошла моя ученица и говорит: «Докторскую защищаю, а мне говорят...». Я даже мог бы назвать, кто ей сказал то, с чем она ко мне обратилась. Я с этим человеком пересекался в учреждении, о котором мало знают и мало понимают, чему там учили. Имею в виду ИОН при ЦК КПСС – преемник коминтерновских университетов для международных движений, рабочего и коммунистического движения. Там мы встретились в загородном филиале, где учились люди, которым в Москве рискованно было появляться, их могли сфотографировать посольские, а это были люди порой из партизанских отрядов, из буша, с гор. Они могли погореть, купив в Москве трусы, использовав банкноты, происхождение которых можно отследить по номерам. Вот этот человек, достойно продвинувшись в науке и работая в ВАКе, упрекнул мою бывшую слушательницу в том, что у нее работа не слишком теоретическая. Что значит упрекнул? Ей нужно было переубедить оппонентов – уровня чуть ли не президиума ВАК. Работа её была о Центральной (Средней) Азии как о регионе, территории на нашей планете. Рассматривался пространственный фактор: как расположение на карте бывших советских республик этого региона влияет на их политику, может ее формировать. Ответ на это замечание мы сформулировали так: «Что может быть более теоретичным, чем пространство, время и человек?» Помогла предшествующая аналитическая работа, когда я раскопал данные: когда этот регион вошел в состав России, в нем было, скажем, 3 миллиона человек, а когда рухнул Советский Союз – 78 миллионов. Вот такой рост, такой реальный факт. По-другому на Ваш вопрос я не отвечу.

С.Д. Вы очень важную проблему подняли – время, пространство и люди. Хотелось бы обсудить в этом контексте историческую социологию. Можно сказать, Вы пионер и вдохновитель работы на этом поле у нас в журнале.

Н.Р. Если бросать камни в воду, пойдут круги. И если уж суждено нашей стране выжить, то без понимания истории нам не обойтись. Но не следует доверять это только историкам, у которых свои подходы, проблемы и трудности. Я ничего не хочу плохого

⁵ См., напр.: Замятин Д.Н. Пространство и движение // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 20–29; и др.

о них сказать – они фиксируют факты. Картину истории надо понимать шире. Нужно быть беспощадным к себе, к окружению. Однажды меня попросили прочитать проходную, казалось бы, лекцию в бывшей Академии общественных наук при ЦК КПСС. Оказалось, что выступать надо перед генералитетом, с одной, двумя, тремя звездами, хотя все были в гражданском, без погон. Из аудитории поступил вопрос, потом я узнал, что это был уже бывший командующий воздушной армией: мол, мне отец так говорил, и я ему верю... и так далее. Я зацепился за слово «верю»: с умным видом посмотрел в окно, а там панорама Тропарево с церковью. «Понимаете, – говорю, – словом вера оперируют там, туда надо обращаться, а здесь опираются на знания прежде всего. И в этом вопросе ваш отец был субъективен». Вопрос конкретно был о Сталине. Верой мерить нельзя. Я с уважением отношусь к мнениям людей, которые относятся к Сталину как крупной исторической фигуре, понимаю, почему их суждения такие, какими мы их знаем: они сравнивают прошлое с сегодняшним опытом, опытом прожитой ими жизни, и я соглашусь, что фигура Сталина крупнее тех, кто ему наследовал. Но я повторяю: надо очень внимательно, исторично подходить к итогам и результатам, последствиям его политики. В частности, к людским потерям, демографическим потерям страны.

С.Д. Можете сформулировать предмет исторической социологии? Как Вы это видите?

Н.Р. Историческая социология – анализ прошлого, которое запечатлено в настоящем, влияет на настоящее и будущее. Я ведь попал в историческую социологию благодаря поискам моих коллег, работавших с данными опросов конца 1980-х – начала 1990-х гг. Лично передо мной тогда стоял вопрос о поле дальнейшей работы. Я был доктором исторических наук, работал на кафедре истории КПСС, где сложилась такая обстановка. Моими коллегами в основном были люди старше меня, участники Великой Отечественной войны. Возник вопрос: какова судьба СССР? Двух бывших военных, полковника и генерала, послали в частный вояж в один из регионов СССР, посмотреть, что там происходит. Они съездили, вернулись с диагнозом: «Только танки». В «танковой» обстановке мне стало как-то неуютно. Решать подобным образом вопросы, скажем, Прибалтики, Кавказа, да и Москвы, на каком-то там году советской власти и существования КПСС как-то не очень. Стал искать другое поприще, в ректорате мне подказали и помогали попасть в социологию. Там сразу говорят – займись исторической социологией. Люди, к которым я пришел, а это были Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков, Е.Е. Леванов, А.И. Афанасьева, В.В. Комаровский и т.д., – доктора наук, социологи. Они видели, что анализ происходящего сейчас – в 1990, 1991, 1992, 1993 гг. – невозможен без понимания того, как складывался сегодняшний «пейзаж». В сентябре 1997 г. Тощенко привел меня в журнал «Социологические исследования», в мае 1998 г. вышла первая рубрика нашего журнала по исторической социологии.

Ж.Т. Тощенко справедливо требовал от меня ответа на вопрос, что такое историческая социология? Просмотрел я международный журнал «Journal of Historical Sociology» за 10 или за 15 лет в попытке понять, что такое историческая социология. Журнал дает массу статей на стыке истории и социологии, но определения не нахожу. Без определения – хотя бы рабочего – отрасль науки несостоятельна. Наконец, для двухтомной энциклопедии⁶ у меня получилось определение исторической социологии. Оказалось, что у нее своя сложная история; подходы и понимание предмета менялись. Термин «историческая социология» появился во второй половине XIX в., и под ним понимали сначала одно, а потом другое, потом третье. Парсонс и Мертон историческую социологию задвинули в дальний угол. Понадобился исторический поворот, чтобы социологи за рубежом (Ч. Тилли, Р. Лахман, Т. Скочпол и др.) повернулись к исторической составляющей того, чем занимается социология. Факторам темпоральности, влияниям прошлого на настоящее, на поиски будущего в социальном плане и посвящает свои усилия историческая социология.

⁶ Романовский Н.В. Социология историческая // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 527–529.

То, что сейчас ею мало кто занимается, не очень хорошо. Нередко пропаганда, идущая с экранов телевизоров и компьютеров, свидетельствует в том числе об историко-социологической ущербности каких-то взглядов. И не только об этом. Как ученые, мы почти не анализируем собственные недостатки, часто коренящиеся в прошлом. Был ли у нас дискурс о том, чего не хватает российской социологии? Не припоминаю. Или: в чем истоки и суть проблем наших социальных наук? Нашей системы наук, опирающейся на Академию наук и университеты? В чем ущербность социальной группы интеллигенция? Нашей столицы – Москвы? В чем «проклятье России» – в нефтяной игле или в проблеме престолонаследия? И т.д. Дефекты можно найти, кроме маленьких зарплат, конечно.

С.Д. Историк Б.Н. Миронов из Петербурга выделил три момента, на его взгляд, мешающих развитию исторической социологии. Первая причина – это кадровый вопрос. Вторая: освободившиеся от аксиом исторического материализма историки «боялись попасть в новое ярмо – во власть теоретических схем исторической социологии». И третья – влияние постмодернизма⁷. Согласны Вы с этими причинами?

Н.Р. Да. Правда, возможно, что этим вопросом не исчерпывается. Но то, что названо Мироновым, важно. В кадровой сфере переход с пятилетнего обучения в вузах к разделению на бакалавриат и магистратуру привел к тому, что студенты магистратуры заняты настолько приземленной тематикой, что о каком-то научном росте говорить не приходится. С историками я в последние годы не контактирую, но знаю, что в каждой науке есть свои серьезные проблемы. Пусть историки проанализируют те, скажем, неудовлетворительные моменты, или слабости, которые корпус наших историков обнаруживает. А что касается постмодернизма – это явление есть признание того, что был модерн, а теперь наступил постмодерн, и пусть каждый решает сам для себя, что это такое. Приставка «пост» – это расписка в том, что нет понимания происходящего. Монографии о постчеловеке, посттруде, постправде и т.п. темах – в них авторы часто расписываются в том, что не знают чего-то, что трудно, объективно трудно пробиться к истине. Все социальные науки от дисциплин, национально ориентированных, вступили в этап, когда национальный подход стал узким; нужно переходить на более широкие международные обобщения. Думаю, немецкие социологи, например, не могут в полной мере понять, что движет, скажем, литовскими социологами, эстонскими, молдавскими. Для этого нужно погружаться в социальные реалии этих обществ, а это трудная задача. Мы раньше регулярно получали номера украинского социологического журнала. Я его внимательно читал, высоко оценивал поиски – поиски идентичности Украины. К сожалению, этот этап поиска не был пройден; его оборвало вооруженное противостояние. Есть аналитики, которые не отстают от научных стандартов, другое дело, что их не слушают.

С.Д. Как Вы относитесь к проактивной позиции социологов-ученых? То, о чем в свое время писал М. Буравой. Должен быть ученый-социолог активистом в общественном пространстве?

Н.Р. Это большая проблема. Думаю, должен быть. Обязательно. Отказ от этого – декларация личного безразличия к происходящему вокруг, к народу, к стране. Приведу пример. Я находился в студенческой аудитории, по-моему, на следующий день после того, как была объявлена мобилизация. И мальчики, которые там сидели, да и девочки, были взбудоражены. Я их успокоил, сам не ожидая, что удастся: «Члены всякого общества при здравом размышлении должны понимать, что перед обществом у вас есть и права, и обязанности. Они в самом общем виде зафиксированы в конституции. Конституцию учат в школе, и там прописано, и эта фраза есть в присяге – защита Отечества. Вы вроде все это знаете, но выводы какие?» Успокоились, больше вопросов не задавали. Может быть, я им предложил слишком примитивное, простое объяснение. Но простота, ясность – признак науки. Конечно, возможны и другие ответы, но для этого нужен другой

⁷ См.: *Миронов Б.Н.* Подвижник исторической науки. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3249 (дата обращения: 30.03.2022).

человек. Есть собственные убеждения. Когда меня «приглашали» отдать мой воинский долг, я, конечно, особо не радовался, это совпадало то с поступлением в аспирантуру, то с рождением дочки, то еще с чем-то, но иначе нельзя.

С.Д. Раз мы затронули эту грань и сегодняшние сложные реалии, как Вы думаете, скажутся ли на социологии происходящие процессы давления на Россию со стороны стран НАТО, усиление санкционной политики?

Н.Р. Безусловно, потому что это прежде всего служит прояснению позиции каждого, индивидуальных позиций, позиций стран и народов. Я мог студентам что-то другое сказать. Судя по количеству автомобилей, пересекших в те дни наши границы в направлении бывших республик СССР, были другие мнения на этот счет. Поэтому размежевание и понимание того, в каком мире мы живем, какие отношения в этом мире выстраиваем, как ориентироваться в этом всем, – конечно, вещь для каждого сложная, болезненная, но я все-таки думаю, что тот контингент ученых, с которым я имею дело всю свою сознательную жизнь, – люди мыслящие. Это проявляется и сейчас. Думаю, что большая часть придет, условно назову, к «правильным» выводам. Хотя для каждого человека правильность выводов – своя.

С.Д. Я согласна, что человек сам должен определиться в личной позиции, и мы видим, что многие определились не в пользу России, в том числе социологи. Мы наблюдаем эмигрантскую волну. Уезжают по иногда мнимым причинам, по семейным обстоятельствам, кто-то стал искать еврейские корни и оформлять израильское гражданство, кто-то взял отпуск за свой счет, как-то иначе постарался не сжигать мосты. Наука теряет кадры. Это в меньшей степени коснулось Института социологии ФНИСЦ РАН, я здесь не вижу большого оттока, но это есть в других институтах. Меняются тематика и формулировки актуальной повестки дня. Если мы вернемся к Вашей теме – теоретической социологии, исторической социологии, то какие изменения Вы наблюдаете? Какие актуальные темы открываются?

Н.Р. Исходя из своего опыта, к примеру, чтения курса «Современные социологические теории» магистрантам РГГУ, я курс существенно меняю. И то, что происходит в стране и вокруг нее, влияет в этом плане. Как? Не буду все рассказывать, но скажу самое важное. Задачу номер один для российской социологической теории я вижу в проблеме российской идентичности. Что такое Россия? Кто мы такие – россияне? Каково наше прошлое, настоящее и будущее? Какие задачи перед нами встали в новой обстановке и какие могут встать? В круге этих вопросов я строю свой курс.

С.Д. А какие проблемы, на Ваш взгляд, в развитии России слабо осмыслены или недостаточно обсуждаются, требуют серьезной проработки? И на что должна опираться социология в этой работе?

Н.Р. Я бы обратился к опыту Леокадии Михайловны Дробижевой в ее, я бы сказал, взрывоопасном поле этносоциологии, где буквально приходится ходить по минному полю. С осторожностью надо относиться и к тому, что предстоит на практике. Донесется разного рода оценки, призывы, звучат выпады в разные адреса. И тут лучше семь раз отмерить, чем сразу резать. «Отрезание» по живому болезненно, может нанести вред. Я бы призвал к осторожности и, конечно, к мобилизации всего интеллектуального ресурса, в том числе и социологов страны. Думаю, тема Харчевских чтений 2022 г. – новая социальная реальность, позволяет четче ориентироваться в своем личном поле, на своей территории, на научной полянке, которую ты обрабатываешь. Приведу пример, без фамилии. До меня дошел слух, что у N. уже буквально билет в кармане. Прошло два-три месяца, но N. пока билетом не воспользовался. Один из вариантов причины – человек думает. И в этом что-то есть. Люди думают. И это касается не только нас. Об этом думают и украинцы, судя по количеству эмигрантов. Об этом думают и в прибалтийских республиках, и не только там, наверное. Вполне можно на каких-то экзотических островах Индийского или Тихого океана, где жизнь относительно беспроblemна, встретить, условно

говоря, французов, англичан, которые тоже ищут там убежище от реальности, которая их на родине «достала», скажем так.

С.Д. А Вы видите волну реэмиграции? Те, кто уехали из России, часто, получив образование здесь в конце 1990-х – начале 2000-х, да и вообще уехавшие в 1990-е гг., в том числе по программам «позднего переселения», не подумывают ли о возвращении в Россию? Есть довольно много каналов на просторах YouTube, которые рассказывают и показывают истории переселения, знакомят с реэмигрантами, публикуют интервью. Например, каналы «сФилином» (15 лет жизни в Северной Америке, три года на Мальте и возвращение в Россию, берет интервью у возвращенцев), «Мирька из Германии» (многодетная семья показывает жизнь переселенцев из Германии), «Гусариха» (переселение из Казахстана в Ялutorовск), канал «Селяви – Жизнь во Франции» (из Франции в Тамбов) и другие.

Н.Р. Я, к сожалению, вынужденно ограничил круг своих не интересов, а самих проблем, которые меня занимают и которые я отслеживаю. У меня резко сократился круг сверстников, от которых я получал много информации, круг общения, сеть контактов, нет многих, и поэтому личной информации, что кто-то уехал, а кто-то вернулся, практически не имею. И не берусь судить.

С.Д. Хорошо. Давайте теперь немного провокационный вопрос задам. А что Вы вообще понимаете под социологией?

Н.Р. Что такое социология как наука? Я много над этим вопросом думал. Эти размышления как бы со ступеньки на ступеньку меня не опускают, а поднимают в повседневной работе. Сегодня сказал бы так: в мемуарах ракетчика-прибориста, члена-корреспондента Академии наук Б.Е. Чертока⁸ можно найти такую мысль. Когда его выбирали в Академию наук СССР, он для себя зафиксировал такое суждение: естественные науки занимаются фундаментальными проблемами материального мира, а общественные науки – фундаментальными проблемами социального мира. Что получается в плане Вашего вопроса? С одной стороны, существует группа наук, занимающихся проблемами общества. Эта мысль, в частности, определила мое направление понимания сути социологии. Но какое? Прежде всего через историческую социологию. Социальный мир прошел огромный исторический путь. Как сформировалось современное общество, изучаемое социологией, – это одно генеральное направление забот социологической мысли. Второе, думаю, это содержание и логика науки об обществе – и его мы пока не можем оценить в полной мере. Как-то слышал по радио о раскопках на берегу реки Лены стоянки людей, живших там примерно 240 тысяч лет до нашей эры. Ведущий спрашивает ученого: а что Вы нашли по части социологии?

С.Д. Т.е. про взаимодействие людей?

Н.Р. Да. Он ответил знаете что? – Они любили детей. Археологи нашли могилы, и по ним было видно, что потеря ребенка, это не потеря просто человека, это сильный удар для родителей, который был понятен всему поселению. Это только один момент, – человек небезразлично относится к близким, к детям в данном случае. Как они относились к другим членам группы, к соседям, соседним племенам, что представляли собой их отношения к окружающему миру, – это все, говоря языком участников этой радиопередачи, социология. У современной социологии, в моем понимании, есть еще один аспект, идущий от той социологии, что начала формироваться от О. Конта, – измерение социальной реальности. Тут, мне кажется, многое будет меняться по мере поступательных шагов процесса дигитализации, или цифровизации. Многое в социологическом понимании и объяснении социального мира зависит от инструмента, от методов измерения социальной

⁸ Борис Евсеевич Черток (1912–2011) – российский и советский ученый-конструктор, один из ближайших соратников С.П. Королева. С 26 ноября 1968 г. – член-корреспондент АН СССР (с 1991 г. – РАН). – Прим. С.Д.

материи, которые становятся возможными благодаря, в частности, новым инструментам исследователя.

С.Д. А что социологи должны измерять? Мы должны мерить человеческое поведение, какие-то действия, поступки, социальные факты?

Н.Р. Я вернусь к мысли о том, что мы должны мерить время, в какое время человек живет, пространство, в котором живет. Измерять самое сложное – душу человека, его жизненный мир – в терминах феноменологической социологии. Людям, которые ушли, мы не можем задать вопросы, с помощью которых проникают в жизненный мир ушедших, мы можем спрашивать только живущих. Но существуют социологическое мышление, социологическое воображение. Приведу пример из истории античности – проблема этрусков. Здесь в чем сложность? Со времен Геродота существовало мнение, что этруски пришли на территорию нынешней Италии из Малой Азии. Другие историки, начиная от Дионисия Галикарнасского, говорили: нет, этруски – коренный народ Италии. Как этот вопрос был разрешен уже в наше время? Анализом сохранившегося генофонда. Оказалось, что по генотипу этруски не отличаются от коренных жителей Италии. Т.е. они не пришли откуда-то, из Малой Азии, из района Трои.

С.Д. Социологи способны использовать разработки естественно-научных дисциплин в этом направлении?

Н.Р. Конечно. Вот, например, один из аспектов цифровизации – это наблюдение за деятельностью людей по данным, получаемым космическими аппаратами. На снимках из космоса зафиксированы в том числе следы деятельности человека. Уже обсуждается вопрос, как пользоваться этим материалом в социальных науках. Пока не знаю результатов таких обсуждений. Знаю, что есть обсуждения этой проблематики.

С.Д. Возвращаясь к исторической социологии – как мне кажется, Вы мыслите больше в контексте такой большой науки, больших волн, протяженности. Насколько социологи способны мыслить и работать с такими длинными периодами? Есть ли у нас лидеры этого направления? Представляется, их немного, хотя лидеров и не бывает много. Но все же дисциплина в некоторой стагнации. Может, это связано вообще с плохим знанием истории, недостаточной подготовкой специалистов?

Н.Р. Я думаю, что это больше связано с природой человека. Я на себе испытал это. Путь ученого в науке начинается с первых публикаций и продолжается в них же. В последние годы я начинаю понимать, что по мере продвижения по научному пути у некоторых ученых возникает стремление сказать миру нечто бессмертное. Я сейчас одного американца читаю, и в его позиции, не в словесных конструкциях, подтекст такого рода можно усмотреть; оказалось, у него четвертая стадия рака. Он, возможно, и пишет в полном сознании, что как ученый он кончает свой путь; возможно, поэтому и появляются мысли – сказать в таком состоянии нечто, не сказанное ранее, может быть – оставить после себя нечто бессмертное. Мне кажется, что в мире ученых занятия наукой превратились в технологию, в отчеты: гоним-гоним себя, учим студентов и пр., а хотя бы кусочек чего-то непреходящего оставить – это очень редко. Я вспоминаю тех, с кем я общался в журнале и ранее в науке, и такие «искатели» были, мне повезло. Не буду называть фамилии, чтобы другим не обидно было. Но это редкость.

С.Д. А вот другой аспект. Самость ученого, Эго, Я – согласитесь, это очень важно в развитии науки. Что личность в истории, что личность в науке – это двигатель. Но я хочу отметить и другой аспект – карьеризм, когда открытие каких-то теорий и пр. происходит ради того, чтобы застолбить свое имя в науке. Не для того, чтобы развивать предшествующие достижения, труды, и тоже свой вклад вносить этим, а состояться как уникальный ученый, основоположник нового направления, получить соответствующие регалии, звания и т.д. При этом не всегда эти направления перспективны, результативны. Что Вы по этому поводу думаете?

Н.Р. Человек слаб. У всех есть недостатки, в том числе тщеславие. Приведу пример, я довольно долго проработал в Академии общественных наук, и в своей отрасли знания

я наблюдал всех лидеров направления, следил за их карьерами. Помню, был случай. Висит на видном месте в «храме науки» объявление, мол, поздравляем такого-то с избранием членом Нью-Йоркской академии наук, – это в постсоветское время было. Оказалось, что человек, которого избрали в эту академию, попросил написать такой плакат и сам его вывесил. Но есть в среде ученых и другая сторона, так называемый гамбургский счет. Ведь люди всё видят и многое понимают. В Академии общественных наук было много ученых по статусу. Но, как я вспоминаю, из них настоящими, большими учеными были немногие. Я был в положении ученого секретаря, мне надо было формировать повестки дня Ученого совета (на немецком языке его называют «Высокий Сенат», от античных времен, наверное), опираться на них. Обнаружилось, что таких людей не так много. И хорошо, если пять человек за мое время работы в этой академии (1976–1997) можно назвать. Назову Леонида Ивановича Абалкина, помните такого, экономист, академик, директор ИЭ РАН, зам. председателя Совета министров СССР одно время. У нынешнего президента В.В. Путина работал помощником А.Р. Белоусов [сейчас первый зам. Председателя Правительства РФ], его отец Рэм Александрович Белоусов немногим уступал Абалкину. Мог бы еще несколько фамилий назвать, но не буду. Такие оценки делаются, так сказать, по гамбургскому счету, и от них никуда не денешься. И здесь, в Институте социологии, мне повезло наблюдать работу больших ученых. Не скрою, у меня свой взгляд на то, кого выбирают, а кого не выбирают в академики, члены-корреспонденты РАН, а прежде АН СССР. Следить за перипетиями прохождения всех сопутствующих процедур – не такая это сложная вещь, это обычная ситуация.

С.Д. А что для Вас означает «настоящий ученый»?

Н.Р. Отмечу лишь одно – это признание в сообществе ученых, и оно добывается большими трудами и постановкой – хотя бы постановкой – каких-то важных вопросов, даже на грани риска. Я почему назвал Абалкина и Белоусова? В Академии общественных наук при ЦК КПСС была такая форма научной работы, как партийное собрание или партийная конференция. На них обсуждали вопросы, конечно, партийные, но по содержанию научные. Названные мною ученые выступали и ставили в допустимой форме такие вопросы на повестку дня, которые потом, когда развернулись процессы распада страны и её позиций в мире, оказались совершенно правильными.

С.Д. Мы с Вами говорим о социологии прежде всего как о науке, а не прикладной дисциплине. Не затрагиваем эмпирический уровень, а больше остаемся на теоретическом. Социология – уникальная дисциплина, своеобразное зеркало, в которое «смотрит» общество. Как Вы думаете, а насколько достижения нашей науки нужны для общества? Или мы в башне из слоновой кости сидим?

Н.Р. Конечно, важны. Представьте, к примеру, аналитика Центрального разведывательного управления США. Сидит специалист на российском направлении, и его задача следить за Россией глазами разведсообщества Соединенных Штатов. Перед ним большие потоки информации, конечно, не только социологические. Уверен: выверенная социологическая информация о нашей стране жизненно важна и для тех, кто нас не любит. И еще один сюжет вброшу – деликатный. Мне довелось быть аналитиком администрации президента СССР М.С. Горбачева – очень недолго. Но когда наша группа готовила аналитику для президента, все понимали: надо ставить себя на место президента, чтобы научиться подбирать информацию соответствующего уровня и содержания. Этим путем неплохо было бы идти ученым, осознающим себя ответственными за страну гражданами её.

С.Д. Да. И Вы меня заставили задуматься.

Н.Р. Это должно быть общественной нормой. Ты член общества, и ты отвечаешь за него. Если нет, ... у нас границы открыты.

С.Д. Мне кажется, что не всегда востребовано наше социологическое знание.

Н.Р. Ну, это другое дело. То же самое я о Горбачеве могу сказать. Он, с одной стороны, приподнял ВЦИОМ и Т.И. Заславскую, реализует идею «скажите правду». Это же слова Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем». Для Горбачева это звучит

по-иному: «Я не знаю общества, которым руковожу». Поэтому и были надежды на ВЦИОМ. Но тут речь идет о конкретном человеке, как он воспитан, как он относится к науке, считает ли он, что без науки руководить страной нельзя. И встает вопрос: а какие научные институты влияют на это. Каковы они? Помню, в Западной Германии обратил внимание, что при каждой фракции Бундестага есть институт, который эту фракцию питает научной информацией. Фракция социал-демократов – это Ф. Эберт, христианские демократы – К. Аденауэр, левые – Р. Люксембург. Они в силу своих знаний, убеждений, добросовестности на власть влияют. Это влияние институционализировано, власть прислушивается.

С.Д. Вы думаете, современная российская социология отвечает на вопрос про общество, в котором мы живем?

Н.Р. Во всяком случае, пытается. И если бы был запрос на ответ, она могла бы дать, во всяком случае, диапазон распадающихся мнений. Может, на одном его крае были бы эти 30 или 29%, которые не поддерживают президента, на другом – 70 или 69%, которые поддерживают. И ответы были бы разные. И в этом смысл научного обеспечения, которое имеют, к примеру, фракции, о которых я говорил. В Америке, по-моему, этим занимается Библиотека Конгресса. Но я здесь подробности не знаю, не могу сказать. А если говорить о насущных проблемах нашей науки, то я назову один вопрос, промежуточный между наукой и властью. У нас не институционализирован самый высокий уровень научного исследования. Есть такие институты и в Америке, и в Европе, которые занимаются продвинутыми, актуальными вопросами. Вот сегодня появилась проблема, вызывают и говорят: «Давайте, садитесь и решайте. Все, что надо, мы обеспечим». У нас этого нет. И проходит какое-то время, прежде чем имеющиеся научные институты у нас повернутся к новым проблемам. Как, например, мы на Харчевских чтениях повернулись к пониманию того, что значит новая социальная реальность? Я не говорю, что мы ответили на этот вопрос, но мы его поставили.

С.Д. У меня, к сожалению, довольно пессимистические мысли по поводу взаимодействия власти и нашей науки. Ведь что мы наблюдаем? Мы видим закрытие факультетов социологии по стране, закрытие и сворачивание программ по изучению социологии, закрытие научных советов по социологии, а это же формирование кадров по стране, только научных. Закрыты научные фонды – сначала РФНФ, сейчас РФФИ, а именно через них можно было получить финансирование индивидуальных проектов, которые питали социологию. Мы видим отсутствие финансирования крупных социологических проектов, а социология прежде всего эмпирическая наука. Когда нет финансирования крупных эмпирических исследований, то результат – локализация, мелкотемье, самокопание и анализ вторичных данных. Да, это могут быть исследования постановочного характера, но без финансирования существование социологии под вопросом.

Н.Р. Я с Вами согласен. Я наблюдаю, как это происходит на уровне корней проблемы, в вузе. Преподаватель – студент. И преподаватель блестящий, и студент замечательный. И вот преподаватель начинает готовить его к блестящей карьере. Добивается поступления в аспирантуру, работает с ним над диссертацией, доводит до ее защиты. Но здесь начинаются препятствия. У меня конкретные примеры. После защиты спрашиваю: куда идешь? «В банк». На зарплату младшего научного сотрудника не прожить. Или вот был студент, уже два года в аспирантуре отучился, начал диссертацию писать, его приглашают в бизнес, он делает ручкой науке и идет туда. И это сплошь и рядом. Я как преподаватель нахожу способы к науке, работаю, читаю лекции или веду занятия не с абстрактными студентами, я вижу их перед собой, ценю, подстраиваю курс не под среднего, не под низшего, а под передовых. Их в группе обычно два-три человека. На них ориентируюсь, пусть другие тянутся. Но их дальнейшая судьба теряется. Конечно, человек заканчивает вуз, обзаводится семьей, нужно покупать квартиру и пр. И в науку идут в последнюю очередь. Мне кажется, и реформы, и наша реальность, когда все успехи измеряются размером зарплаты, все это привело в значительной мере к тому, что этот источник пополнения научного знания подорван, подрублен под корень. И какие-то отдельные исключения, которые все-таки бывают, общую картину негативного плана не меняют. Я, конечно, не

перестаю напрягаться. Не говорю себе, что в этих условиях можно не напрягаться. Наоборот, перед каждым выходом в аудиторию готовлюсь, стараюсь что-то новое сказать, полезное для них. Это проблема, конечно, большая проблема.

С.Д. А что можете пожелать Вашим студентам, аспирантам?

Н.Р. Студентам я говорю, что надо любить свое дело. Настоящая любовь к своему делу жить помогает. Т.е. заниматься любимым делом – вот так, наверное.

С.Д. Хочу обратиться к Вам как к научному редактору, потому что на протяжении этих 25 лет Вы выступали и в этой роли. Что Вы можете посоветовать авторам, чтобы подготовить качественную статью по социологии?

Н.Р. Вспоминается фраза из «Двух капитанов» – бороться и искать, найти и не сдаваться! Здесь вопрос-то простой. Кто-то сказал, что с тех пор, как наука стала наукой, к ней надо относиться по-научному, надо изучать ее состояние. Поэтому очень важно понимать, что происходит в науке, в своей отрасли, и стараться быть впереди.

С.Д. Николай Валентинович, а что Вам сейчас придает силы? В чем Вы свой ресурс находите?

Н.Р. Видимо, когда я формировался как личность, я испытывал дефицит научного знания. И когда я встал на путь компенсации этого дефицита, я понял, что он, этот путь, неисчерпаем, безграничен. По нему можно идти бесконечно долго. И я собираюсь идти бесконечно долго, хотя понимаю, что конец неизбежен. Это какое-то понимание того, что знание – это сила: «scientia potentia est».

С.Д. Какую последнюю книгу Вы прочитали?

Н.Р. Сейчас я начал читать «Записки революционера» Петра Кропоткина, как раз одного из тех, кто был на старте рывка русской социологии. А перед этим я убрал на полку «Загадочных этрусков»⁹.

С.Д. А что Вы порекомендуете читать молодому социологу?

Н.Р. В этой ситуации я бы порекомендовал книгу Арнольда Тойнби «Постижение истории». Это исповедь ученого, он дошел до своего цивилизационного анализа, и мне кажется, что такой анализ – это будущее. Сегодня я так это понимаю.

С.Д. В заключение мне бы хотелось задать вопрос о Вашей научной идентичности. Кем Вы себя считаете?

Н.Р. Считаю человеком, верящим в науку, хотя вера – не научное слово. Так же как и любовь. Потому что – где граница веры, любви... В меру возможностей я эти вещи практикую, не переставая быть реалистом. Еще один анекдот расскажу. Когда я только еще начинал, была зима, я впервые пришел в Академию, храм науки! Подхожу к вешалке сдать пальто, а гардеробщик говорит, что некуда вешать, все занято. Я говорю, ну как же в пальто идти? В храм да в пальто? А он мне: да сюда хоть на лошади заезжай! Вот, как Вебер говорит, идеальный тип науки и социальная реальность – переполненный гардероб. Как пробиться, как реализовать? Надо жить в реальности. Надеяться.

С.Д. Так все-таки кто Вы? Историк? Переводчик? Социолог?

Н.Р. Пожалуй, Вы правильно сказали – сейчас, когда у меня и сил поменьше, может, действительно, я как переводчик пытаюсь знакомить нашу аудиторию с лучшими образцами передовой социологии. Не хочу сказать, что это западная социология, настоящая наука не привязана к каким-то географическим регионам, но я пытаюсь находить, переводить, по мере сил комментировать.

С.Д. А с какими бы словами обратились к своим коллегам и соратникам?

Н.Р. Будьте здоровы!

Беседовала С.Ю. ДЕМИДЕНКО,
науч. сотр. ИС ФНИСЦ РАН (demidsu@yandex.ru),
ответ. секретарь журнала «Социологические исследования»

Статья поступила: 13.03.23. Принята к публикации: 19.04.23.

⁹ Буриан Я., Моухова Б. Загадочные этруски. М.: Наука, 1970. – Прим. С.Д.

SOCIOLOGY IN SEARCH FOR IDENTITY (interview with N.V. Romanovskiy)**DEMIDENKO S.Yu.*, ROMANOVSKIY N.V.***** Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (demidsu@yandex.ru); Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of the Russian State University for Humanities, Deputy Head Editor, the journal "Sociological Studies" (socis@isras.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. Our talk with Nikolay V. Romanovskiy – deputy head editor, Sociological Studies journal, chief research fellow, Institute of Sociology, FCTAS RAS and RSUH Professor took place of his 85th birthday. A range of topics were discussed, from development of sociology to outflow of personnel from sciences. His scholarly interests – for theoretical as well as historical sociology – allows designate reference points and outline prospects to shape one's views on the growth of social science.

Keywords: Russian sociology, historical sociology, theoretical sociology, identity, Sociological Studies journal, sociology as discipline, academic sociologist

Received: 13.03.23. Accepted: 19.04.23.